

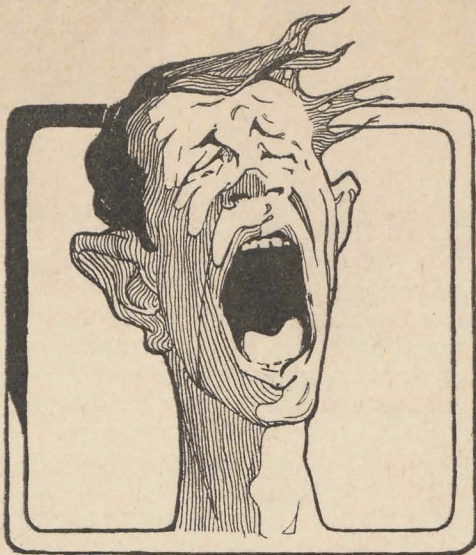
Редакция и контора „БЛАГОГО МАТА“
СПБ., Загородный, 21, кв. 48.

Приемъ отъ 12 до 2, кромѣ праздниковъ.
„Благой Матъ“ продается во всѣхъ кіоскахъ
Пташкова и у газетчиковъ по 5 коп.

Отдѣльные номера „Благого Мата“ высыла-
ются за 7-ми копѣчную марку.

Объявленія принимаются въ конторѣ по 50 к.
за строчку петида.

№

1.

Цѣна 5 коп.

ВЫХОДИТЪ

ДВА РАЗА

ВЪ НЕДѢЛЮ.

БЛАГОЙ МАТЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, САТИРИЧЕСКІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ.

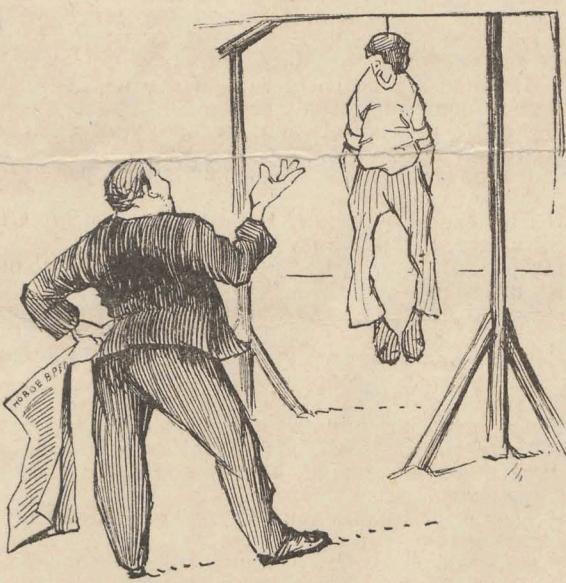
Рисунки Ре-ми.

ДѢЛА и ЛЮДИ.

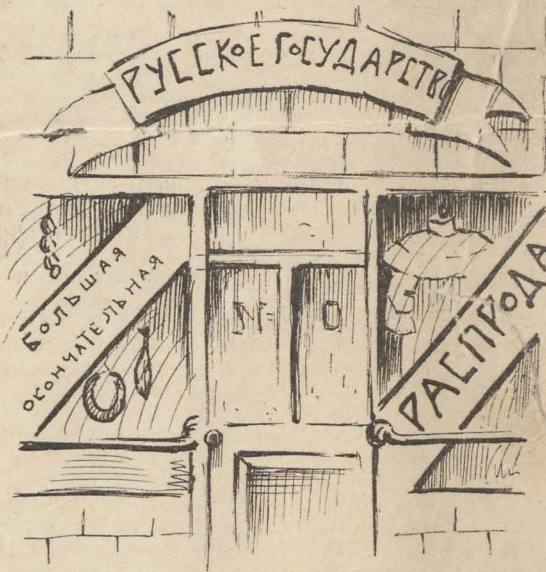
Текстъ Пэка.

— Шерочка, это правда, что въ члены Государственной Думы
допущены простые мужички?
— Душечка, это фактъ. Многие мужички даже пріѣхали уже
въ Петербургъ и были во дворцѣ. Вы развѣ ихъ не видѣли? Ахъ,
это очень интересно!.. Такие простые... ну, совсѣмъ кустари...
— Шерочка, но вѣдь у нихъ малоземеліе.. Кажется, это опасно?
— Душечка, вѣдь это они думаютъ, что у нихъ малоземеліе,
а на самомъ дѣлѣ это просто агитація... Pas plus que ça... Въ
Думѣ имъ это объясняютъ, и они сейчасъ же успокоятся...
— Шерочка, а если они не успокоятся?
— Душечка, тогда ихъ отправятъ по домамъ и привезутъ
другихъ мужичковъ.. Вѣдь у насъ ихъ цѣлыхъ 100 миллионъ.

Г. Меншиковъ.— „Что бы сказали революціонеры, если-
бы генераль-губернаторы не доводили дѣлъ до судебного разби-
рательства, а просто, въ 4 минуты, свивъ изъ платка жгутъ,
обвивали имъ шею пойманныхъ революціонеровъ и душили бы
ихъ?“
Революціонеръ.— Они сказали бы, что незачѣмъ приби-
гать къ жгуту изъ платка, когда имѣются въ достаточномъ ко-
личествѣ, и всегда подъ рукою, отличныя пеньковыя веревки и петли
всѣхъ размѣровъ...

— Вы были на распродажѣ въ „Русскомъ Государствѣ“?
— Нѣтъ. А что тамъ?
— Масса интереснаго. Полная трактирная обстановка, масса
автографовъ С. Ю. Витте, П. Н. Дурново и М. Г. Акимова,
роскошная ливрея редактора и билетъ для входа въ Государ-
ственную Думу черезъ подъездъ для чиновъ полиціи.

— Несомнѣнно, сводъ основныхъ законовъ неудовлетвори-
теленъ! Прежде всего онъ не полонъ!
— Чѣмъ же вы его дополнили бы. ваше превосходительство?
— Я бы включилъ въ число основныхъ во-первыхъ всѣ безъ
изъятія существующіе законы, во-вторыхъ всѣ существующія
временныя правила, въ-третьихъ всѣ инструкции и циркуляры, а
въ четвертыхъ, всѣ распоряженія начальствующихъ лицъ, какъ
письменныя, такъ и устныя.

— Я членъ Государственной Думы! Вы не имѣете права меня
обыскивать: моя личность неприкосновенна!
— Такъ вѣдь это личность ваша неприкосновенна, а не кар-
маны! Мы къ вашей личности и не прикасаемся...

— Почему назначили министромъ внутреннихъ дѣлъ Столы-
пина?
— Да, видите-ли, пришлось выбирать между нимъ. Курло-
вымъ, Азанчевскимъ и Нейдгартомъ..
— Значитъ, по принципу: изъ двухъ зольъ меньшее..
— Да, вообще арифметическое среднее...

Отъ редакциѣ.

Нуждаются ли въ поясненіяхъ программа и за-
дача «Благого Мата»?

Его программа — текущая жизнь, во всемъ ея
объемѣ, во всѣхъ ея изгибахъ. Его задача — кри-
чать «благимъ матомъ» обо всемъ, что мѣшаетъ
жизни стать свѣтлой, прекрасной, радостной.

Лозунгъ «Благого Мата» — противленіе злу во
всѣхъ его проявленіяхъ. Его пароль: — «иду обли-
чать нечестивыхъ».

Съ такими намѣреніями вступаетъ «Благой
Матъ» въ ряды прогрессивной печати.

Редакциѣ.

Народнымъ представителямъ.

Впередъ, друзья мои,—кто силенъ, бодръ и молодъ!
Впередъ, друзья мои: грядущее свѣтлѣй!
Огнемъ зажженное желѣзо тяжкій молотъ
Не ломить, но крѣпить—и бьетъ оно сильнѣй!
Такъ молотъ кузнецовъ позора и неволи
Настъ каждый день разить упрямѣй и больнѣй,
Но мы, зажженные огнемъ священной воли,
Мы крѣпнемъ каждый часъ, мы каждый мигъ силь-
нѣй!

Впередъ, друзья мои! Не вамъ бояться битвы!
Предъ сонмомъ палачей не вамъ склоняться въ
прахъ:—

Ложь преступленья въ нихъ, въ васъ—истина мо-
литвы;

Въ васъ—жизнь и мужество, въ нихъ—тлѣніе и
страхъ!

За нихъ—толпа рабовъ, за васъ—борцы-народы!
За ними—прошлое, васъ—будущее ждетъ...

Сѣкира палача передъ мечомъ свободы—
Ягненокъ предо львомъ... Друзья мои, впередъ!

Впередъ—за жизнь, за честь, за право, за свободу!
Впередъ,—во имя тѣхъ, кто пали прежде васъ!

Вы—исцѣленіе болящему народу!
Не медлите-жъ! впередъ! намъ дорогъ каждый часъ!..

Духъ Банно.

Пріемъ редактора.

(Сценка).

...Докторъ по внутреннимъ болѣзнямъ, специально при-
глашенный редакціей газеты «Недреманное Око» внима-
тельно осматривалъ кандидатовъ въ редакторы и, немилосердно ихъ браковалъ.

Тутъ же стоялъ издатель и тоже дѣлалъ свои замѣ-
чанія.

Всѣ кандидаты были совершенно голы, и со стороны
было похоже на то, что вербуютъ новобранцевъ.

— Уакогрудень, не годится,—произносилъ докторъ и
преважнымъ тономъ кричалъ:

— Слѣдующій!

Подходилъ слѣдующій. Его выстукивали, выслушивали,
заставляли громко говорить: «а-а-а!» и смотрѣли (такъ
какъ это не даровой конь) въ зубы.

Докторъ работалъ такъ уже третій мѣсяць, т.-е. съ
тѣхъ поръ, когда въ дѣло назначенія ответственныхъ ре-
дакторовъ вмѣшалось Человѣколюбивое общество. На экс-
тренномъ засѣданіи своемъ оно выработало, что изда-

Какъ я убилъ

В. К. Плева.

(Письмо Сазонова).

Дорогіе товарищи! Отвѣчаю на вашу просьбу сообщить
вамъ нѣкоторыя подробности о «дѣлѣ 15-го іюля 1904 года». Едва-ли я могу дать вамъ что-либо новаго, кромѣ того, что уже навѣрно публиковалось въ печати, т.-е. кромѣ обнаруженного слѣдствіемъ. Мой костюмъ желѣзнодорожника служащаго объясняется тѣмъ, что дѣло должно было произойти гдѣ-нибудь поблизости вокзаловъ: въ этомъ костюмѣ я не обращалъ на себя вниманія среди массы желѣзнодорожниковъ, проходившихъ тамъ. Предполагаютъ, что бомбу я несъ совершенно открыто, подъ мышкой. По показанію одной бабы, моя бомба была завернута въ газету и походила на колбасу или кругъ холста. При появленіи на мѣсто дѣйствія я по обстановкѣ замѣтилъ, что встрѣча съ Плева неминуема: обстановка была обычная, плевенская—усиленный нарядъ полиціи конной и пѣшей, начиная съ Балтійскаго вокзала и по всему Измайловскому проспекту. На тротуарѣ цѣпь агентовъ въ самой разнообразной формѣ: босяки и интеллигентно-одѣтые господа, то стоящіе въ задумчивой позѣ людей, погруженныхъ въ заоблачныя мечтанія, то прогуливающихся лѣнливой барской походкой, но на всѣхъ лицахъ каиновъ печать, у всѣхъ алчные, загадочные, блуждающіе, на алчные взоры. Жутко и весело идти подъ перекиднымъ огнемъ такихъ взоровъ! Мой защитникъ Карабчевскій весьма мѣтко выразился, что мнѣ пришлось пробираться сквозь стѣну охраны, прибавляю—съ рискомъ въ любой моментъ получить неосторожный толчокъ и взлетѣть преждевременно на воздухъ. Известно, что я шелъ отъ Варшавскаго вокзала навстрѣчу Плева: карету министра я замѣтилъ очень далеко, шаговъ за 70 или дальше, объ ея приближеніи я могъ бы судить раньше по той ажитации, которая началась въ этотъ моментъ среди полиціи и агентовъ. Карета летѣла стрѣлой. Какъ разъ посрединѣ, между каретой и мной, на самомъ мѣстѣ роковой встрѣчи, остановилась конка. Мнѣ пришлось убавить шагъ, чтобы дать время конкѣ уѣхать или каретѣ приблизиться; это-то замедленіе шага, вѣроятно, и обратило на меня вниманіе нѣкоторыхъ свидѣтелей, утверждавшихъ потомъ, что они «замѣтили» меня. Я очень

Счастливецъ.

Выигрышь въ 200.000 рублей въ послѣдній тиражъ палъ на доло бывшаго министра внутрен-
нихъ дѣлъ П. Н. Дурново. Замѣ-
чательно то обстоятельство, что П. Н. Дурново выигралъ 200.000, не имѣя билета, даже коночнаго. Совершенно, оказывается, права была та старушка, которая увѣ-
ряла насъ, что если Богъ захо-
четъ, можно и безъ билета вы-
играть. Какъ намъ сообщаютъ, П. Н. Дурново, желая выручить горячо любимое отечество изъ затруднительнаго положенія, купилъ на всю выигранную имъ сумму билетовъ новаго займа.

На вопросъ нашего сотрудника, какимъ именно образомъ П. Н. Дурново ухитрился выиграть 200.000 безъ билета, бывший министръ отвѣтилъ:

— Я сыгралъ... въ руку кама-
рильѣ...

Помѣшаемъ послѣдній портретъ этого необыкновеннаго счастли-
вца.

тель, пригласившій слабосильнаго человѣка подписать газету, несетъ передъ закономъ отвѣтственность какъ бы за истязаніе, мучительство или даже убійство.

Вызвана была эта мѣра тѣмъ, что два редактора, по-
павъ въ тюрьму за статьи «Еще объ обмелѣннѣ Волги» и «Значеніе Непперовыхъ логарифмовъ», покончили съ со-
бой самоубійствомъ.

Сегодня пріемъ былъ неудачный: изъ явившихся по
объявленію 40 человѣкъ уже 31 были забранованы. При-
ближался вечеръ, надлежало подписать номеръ, а преж-
ней редакторъ съ утра былъ отправленъ въ «Кресты», гдѣ у редакціи «Недреманное Око» была уже своя фам-
ильная камера.

Издатель тревожно оглядывался, докторъ разводилъ
руками. Наконецъ, рѣшили остановиться на 32-омъ. Это
былъ самый подходящий изъ всѣхъ

— Одѣвайтесь.—сказалъ издатель,—пусть васъ осмо-
тритъ сотрудники.

Новый редакторъ и издатель пришли въ редакцію.

Передовикъ сказалъ ему:

— Вы знаете мои статьи? Я главнымъ образомъ пишу
противъ займа. Крѣпко-ли у васъ сердце?

Редакторъ отвѣтилъ, что крѣпко и что можно писать
противъ займа.

Внутренній обозрѣватель потрогалъ редактора за го-
лову.

— Застрахованы ли вы отъ галлюцинацій? Выдержите
ли вы полтора года крѣпости?

— Полтора года?

— Ну да, вѣдь я главнымъ образомъ пишу объ отмѣнѣ
смертной казни. Впрочемъ, вы человѣкъ молодой, — подумавъ, произнесъ внутренний обозрѣватель.—Я нѣсколько
смягчу свои требованія.

Завѣдующій провинціальнымъ отдѣломъ безразлично по-
морщился, взглянувъ на редактора.

— Посмотрите, что у него за животъ,—проговорилъ онъ,
косясь!—Это вовсе не животъ, а пресъ-папье. Вѣдь съ та-

кимъ животомъ нельзя выдержать и маленькой восьми-
дневной голодовки.

— Го-ло-довки?—испуганно переспросилъ редакторъ.—
Почему?

— А какъ же! Я изо-дня въ день отмѣчаю, что необ-
ходимы аграрныя реформы, что надвигается бѣдствие, что
процентъ смертности... вы меня извините, но для редак-
торскихъ обязанностей вы кажетесь мнѣ неподготовлен-
нымъ. Впрочемъ, поупражняйтесь.

Новый редакторъ обѣщалъ поупражняться въ голо-
довкахъ на досугѣ. Издатель изъявилъ полную готовность
въ этомъ прійти къ нему на помощь.

Фельетонистъ сочувственно пожалъ руку редактору:

Кто бы вы ни были, но вы страдаете—сказалъ онъ.—
Имѣйте въ виду, что въ воскресенье пойдетъ мой фелье-
тонъ: «Смердяшіе гады». Бывали ли вы въ Сибири? Какъ
вы переносите холодъ?

Редакторъ виновато пояснилъ, что вообще редакци-
руетъ изданіе въ первый разъ въ жизни и потому Си-
бири не знаетъ. Но обѣщалъ добыть путеводитель.

Театральный рецензентъ долго молча смотрѣлъ на
новичка и однозвучно спросилъ:

— Вѣрите ли вы въ Бога?

Потомъ послѣ наступившей паузы, грустно освѣдомился:

— Готовы ли вы къ смерти?

— Не... не совсѣмъ,—поблѣднѣвъ, отвѣтилъ редакторъ.

— Хорошо,—сказалъ рецензентъ и, обернувшись къ
метранпажу, проговорилъ:

— Печатайте мою рецензію о балетѣ не завтра, а въ
субботу. За день вы успеете приготовиться,—утѣшилъ
онъ редактора.

Вечеромъ въ типографіи спросили: грамотенъ-ли онъ?
Случайно оказалось, что да.

И онъ подписалъ номеръ газеты «Недреманное Око».

О. Дымовъ.

хорошо ориентировался въ окружающемъ: замѣтилъ, что
на тротуарѣ нейтральной публики было не болѣе обыкно-
веннаго, т.-е. немного. Около тротуара изрѣдка стояли
извозчики, на мѣстѣ встрѣчи какъ разъ ихъ не было.
На мое счастье и конка тронулась, мѣсто очистилось. Да
и пора было. Карета приближалась съ быстротой стрѣлы.
Уже я ясно разсмотрѣлъ лицо кучера, а сквозъ стекла
кареты его лицо. Онъ ѣхалъ, развалившись, откинувшись,
по своей обычной манерѣ, на спинку сидѣнья, какъ будто
прятаясь. Уже оставался интервалъ шаговъ въ двадцать.
Быстро, но не бѣгомъ, пошелъ я навстрѣчу, наперерѣзъ
каретѣ, съ цѣлью какъ можно ближе подойти къ ней.
Уже я подошелъ къ ней почти вплотную, по крайней мѣрѣ,
мнѣ такъ показалось. Я увидѣлъ, какъ Плева быстро пе-
ремѣнилъ положеніе, наклонился и прилипъ къ стеклу.
Мой взглядъ встрѣтился съ его широко-раскрытыми гла-
зами. Медлить было нельзя. Наконецъ-то, мы встрѣтились.
Я былъ убѣжденъ въ успѣхѣ и не зналъ, что происхо-
дитъ за спиной у меня: можетъ быть, меня уже ловятъ,
можетъ быть, Плева кричитъ или выскочилъ изъ кареты
на противоположную сторону. Карета почти поравнялась
со мной. Я плавно раскачалъ бомбу и бросилъ, цѣлясь
прямо въ стекло... Что затѣмъ произошло, я не видѣлъ,
не слышалъ—все исчезло изъ моего сознанія. Но уже въ
слѣдующій моментъ сознаніе вернулось. Я лежалъ на мо-
стовой. Первая мысль, это удивленіе, что я живъ еще. Я
встрепенулъ, чтобы подняться, но не почувствовалъ тѣла:
какъ будто, кромѣ мысли, у меня ничего не осталось.
Мнѣ страшно хотѣлось узнать о послѣдствіяхъ; кое-какъ
приподнялся на локоть и оглядѣлся. Сквозъ туманъ я
увидѣлъ валяющуюся красную шинель и еще что-то, но
ни каретъ, ни лошадей. По показаніямъ свидѣтелей, я
крикнулъ: «да здравствуетъ свобода!» Не зная, насколько
тяжело я раненъ, я почувствовалъ желаніе не даваться
живымъ, но безсильнымъ врагу. «Буду бредить», — думалъ
мнѣ: «лучше характеры по образцу японца, чѣмъ гнус-
ныя руки жандармовъ». Я пытался достать изъ кармана
тужурки приготовленный для отпора револьверъ, но руки
не повиновались мнѣ. А между тѣмъ на мой крикъ по-
дбѣжалъ агентъ-велосипедистъ, всегда сопровождавшій
карету Плева. Онъ упалъ на меня и придавилъ меня тѣ-
ломъ... и началась обычная въ такихъ случаяхъ сцена.
Гартманъ (велосипедистъ) первый началъ меня бить. На
судъ онъ самъ живописно изобразилъ, какъ онъ меня
билъ: «Сначала я ударилъ по правой щекѣ», докладывалъ
онъ и въ то же время жестомъ показавъ процедуру зау-

шенія «а затѣмъ ударилъ по лѣвой щекѣ». На крикъ
Гартмана: «вотъ вамъ преступникъ» — подбѣжалъ какой-
то полицейскій чинъ и сталъ кричать: «с. с., чутъ и меня
не убилъ». Подбѣжали еще другіе и били меня — кто какъ
хотѣлъ: кулаками, пинками, въ лицо, въ голову, въ бока,
топтали меня. Но я не чувствовалъ ни боли ни обиды:
мнѣ было все равно, въ блаженствѣ побѣды и спокойствія
приближающейся смерти потонуло все. Было одно про-
тивно, когда стали плевать въ лицо: какая-то красная,
остервенѣвшая отъ животной злобы рожа склонилась
надо мной и звучно, смачно харкнула мнѣ въ лицо. Кри-
чали: «гдѣ еще бомба»? Мнѣ казалось излишнимъ, если
бы мой револьверъ выстрѣлилъ при встрѣлкѣ и кого-ни-
будь нечаянно ранилъ, и я сказалъ: «отстаньте! Бомбы
нѣтъ, возьмите изъ кармана револьверы!» Свидѣтели-
агенты старались увѣрить, что я сопротивлялся, не хотѣлъ
даваться въ руки и отлатъ револьверъ. Ихъ счастье,
что это было не такъ: я былъ чересчуръ слабъ, чтобы
думать о бѣгствѣ или сопротивленіи. Велосипедистъ—
Гартманъ первоначально утверждалъ, что онъ хотѣлъ слѣ-
даться спасителемъ трона и отечества; будто онъ, катаясь
сзади кареты, еще издалъ замѣтилъ, какъ я выскочилъ
изъ подѣзда Варшавской гостиницы и, сразу сообразивъ
въ чемъ дѣло, направилъ свой велосипедъ прямо на
меня, сбиль меня съ ногъ и, такимъ образомъ, очу-
тился на мнѣ... Остроумно! Одного не сообразилъ этотъ
самоотверженный шпионъ: что вѣроятно всемоу бы
самы, оба первые, попали на тотъ свѣтъ, а главный
виновникъ остался бы, пожалуй, живъ. Во всякомъ слу-
чѣ Гартманъ не отдѣлался бы такими пустяками, какъ
это было на самомъ дѣлѣ. Сей достопочтенный мужъ
былъ уличенъ своимъ же собраниемъ по профессіи, аген-
томъ Смирновымъ, который всегда фадилъ за Плева въ
пролеткѣ. Смирновъ показалъ, что Гартманъ не могъ и
думать спасти Плева по той простой причинѣ, что онъ въ
моментъ катастрофы ѣхалъ такъ, что не могъ замѣтить
меня. Неправда тоже, будто карета Плева была остано-
влена какимъ-то извозчикомъ, переѣхавшимъ ей путь.
Я прекрасно помню и ручаюсь, что этого не было. Невѣ-
роятно, что меня била публика. Публика была напугана
и отступила, и я былъ въ полнѣй власти агентовъ, по-
лиціи и дворниковъ. Били они меня на мостовой, по-
толку рѣшили унести съ улицы. Схватили за ноги и по-
волокли такъ, что голова стучала о мостовую, стащили
на третій этажъ гостиницы въ отдѣльный номеръ. Пока
тащили по лѣстницѣ, съ молчаливой злобой угощали

Записки генерала Дитятина.

I.

О такъ называемой аграрности мужика.

Въ различныхъ вѣдомостяхъ, кои нынѣ другъ передъ дружкой въ разнузданности соревнуютъ, всякаго званія сочинители, неизвѣстно съ чего разрѣшенія, о мужикѣ пишутъ. Мало дескать имѣть земли и не имѣть чего ѣсть и чѣмъ семью пропитывать. И отъ сего, якобы, аграрится и вынуждаетъ правительство для усмирения посылать казаковъ. Означенные же сочинители и рецензенты въ тѣхъ вѣдомостяхъ прописываютъ, чтобы у благороднаго сословія землю отнять и ту отдать мужикамъ.

При свѣтлѣшемъ за одни такія помышленія сихъ сочинителей угнали бы въ Сибирь. нынче же все дозволено и кто что хочетъ, то и допочетъ. Не суть ли, однако, сіи сочинители бунтовщики и измѣнники? Безъ сомнѣнія! Да и лгуны, вдобавокъ, изрядные, ибо ни единого слова правды не говорятъ и все врутъ. И, вижу я, надо мнѣ, старику, за перо взяться, дабы повѣдать правду о мужикѣ и отъ чего произошла аграрность.

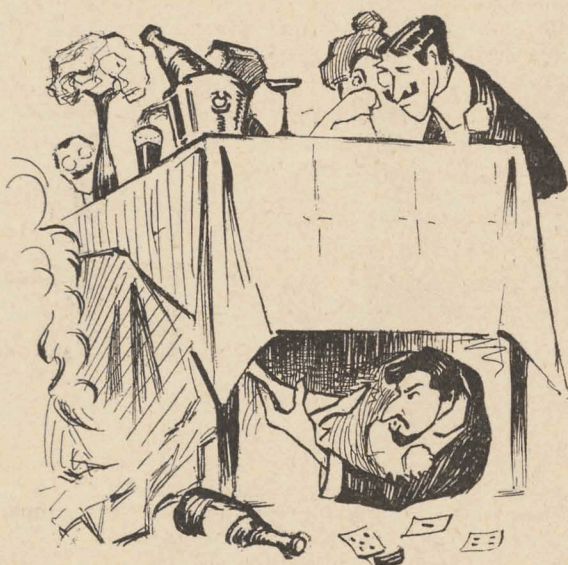
Суемудрствующіе и кадетствующіе филозофы наши вслѣдъ за французскимъ вистльникомъ какимъ-то повторяютъ, что тотъ лишь мужикъ достаточнымъ почитаться можетъ, который въ праздничный день имѣетъ курицу въ супу. Врутъ, скажу. Кольми паче богатъ тотъ мужикъ, который, имѣя курицу, оную не рѣжетъ, а продаетъ, вырученныя же деньги обращаетъ на уплату повинностей. Не спокойнѣ ли на душѣ у сего послѣдняго, хотя бы толконномъ пообѣдалъ?

И еще скажите мнѣ, экононы, ежели мужикъ долженъ имѣть въ воскресный день курицу, то не долженъ ли я, генералъ Дитятинъ, имѣть индѣйку? Однако, не имѣю, ибо пенсіонъ получаю ограниченный, поддлецы же лавочники, не взирая на званіе и заслуги отечеству, равноправно требуютъ за индѣйку 5 рублей. Что, — спросите, — изъ сего слѣдуетъ? А то слѣдуетъ, что русское богатство есть богатство особенное, кое иностраннымъ экономамъ непостижимо. Думаютъ экононы — счастье въ курицѣ или въ кафтанѣ бархатномъ. Безсмысленные! Не въ курицѣ оно, а въ умѣннѣ замѣнить оную лебедой. Не въ бархатномъ кафтанѣ, а въ

умѣннѣ обойтись однимъ зипуномъ на двоихъ. Кольми паче богатъ тотъ мужикъ, который, похлебавъ пустыхъ щей, спитъ раздѣтый на лавкѣ, подложивъ подъ голову кулакъ, передъ тѣмъ французскимъ мужикомъ, который, слопавъ въ обѣдъ курицу, вынужденъ промыслить себѣ на ужинъ гуся.

Да и не мыслили бы мужики ни о какой аграрности, если бы не тѣ же бунтовщики и сочинители, кои отъ завидующихъ блаженству нашему жидовъ подкуплены суть. Еще недавно получилъ съ нарочнымъ отъ бурмистра письмо, съ коего нарочито снимаю списокъ. Что скажете, лгуны, противу сего документа:

Загадочная картинка.

Гдѣ Гапонъ?

«Ваше превосходительство, отецъ родной и благодѣтель!

Во первыхъ строкахъ моего письма извѣщаю ваше превосходительство что сданы и слаточныя квитанцы имѣются на Ефима Ключева, Ивана Ключева и Федора Васильева, а Федотъ Капитоновъ нѣтъ, потому что зубы. Со Сигнѣя московскаго, согласно вашего распоряженія, оброкъ до 480 ассигнаціями, живетъ въ мастерахъ у нѣмца. А Сигнѣй съ высылковъ дважды звать въ контору и дважды дратъ. По второму разу кланялся и велѣлъ благодарить ваше превосходительство, что и въ столицѣ живучи, при царскомъ дѣлѣ, его, дурака, не забываете, жалѣете и велите уму разуму учить. Марья рябая съ кучеренкомъ Петрушкой слубилась. Драты обою. Петрушка на тягло. Жеребчикъ который отъ «Ласки» кровь отворяли — жалился на плечо. Капитанъ-исправнику дадено по положенію и прибавлено какъ сказано. Прихо-

дили изъ Захудайловки епутаты: жалились — тяжелы урки. Драты, — кланялись и благодарили. Говорятъ, животы вовсе подвело. Драты еще Благодарили... Болѣ ничего не имѣю... ну тамъ ужъ дѣла семейныя...

Можете, смутяны, сей документъ въ вѣдомостяхъ вашихъ напечатать, но, знаю, не пропечатаете, ибо не по нраву вамъ сіе. Теперь скажу вамъ, малоумные, отъ чего пошла сія аграрность. Во-первыхъ, отъ уничтоженія военныхъ поселеній, во-вторыхъ же отъ такъ называемаго просвѣщенія. Сіе послѣднее, облагораживая умъ высшихъ классовъ, въ то-же время отравляетъ простыя души мужичковъ нашихъ. Полагалъ бы прежде всего необходимымъ взять въ казну просвѣщеніе народа, какъ взято въ казну снабженіе онаго очищеннымъ виномъ. И вино до того продавали народу скверное, нынѣ же имѣетъ добротпорядочное. Такъ же, мню, и съ просвѣщеніемъ будетъ. Для разумной экономіи сіи двѣ отрасли возможно бы совмѣстить въ одномъ вѣдомствѣ, и тѣ же сидѣльцы, полагаю, за небольшую прибавку къ содержанию, согласились бы обучать народъ необходимымъ для онаго познаніямъ.

Что же касается просвѣщенія, нынѣ въ народъ внѣдряемаго, то злокачественность онаго неоспорима. Самъ слышалъ въ одной школѣ, какъ учительница объясняла народу про ананасъ и даже показывала оный на экрантѣ! Мудрено ли, что народъ, узнавши про ананасъ, начинаетъ къ оному стремиться, какъ бы его отвѣдать, и для достиженія онаго разбиваетъ усадьбу помѣщика своего?

Въ другой школѣ, подъ видомъ зоологіи, проповѣдывалось о метаніи рыбами икры (и, кажется, даже зернистой!!!) Не очевидно ли, что прямымъ послѣдствіемъ знакомства съ икрой является желаніе отвѣдать отъ оной? Отсюда, мню, ясенъ переходъ къ разгромамъ и прочей аграрности...

Генералъ Дитятинъ.

Съ подлиннымъ вѣрно

Пэкъ.

меня пинками въ спину, щипали. Бросивъ на голый полъ, сорвали одежду и опять били со скрежетомъ зубнымъ. Долго ли я пролежалъ тамъ, нагой, на голомъ полу, — не помню, былъ въ полубытьѣ... Какъ сквозъ туманъ, видѣлъ, что въ комнатѣ толпились полицейскіе, жандармы, судейскіе... Будто бы кто-то ошупалъ мнѣ голову и сказалъ, «будетъ живъ, но бить опасно». Почти не помню, когда и какъ свезли меня въ больницу. Вполнѣ пришелъ въ себя на операционномъ столѣ отъ ужасно неприятнаго ощущенія, которое получилось, когда мнѣ въ глотку вставили какую-то трубку, чтобы очистить желудокъ отъ предполагаемаго отравленія. Потомъ усыпили хлороформомъ. Помню, въ первый моментъ, какъ я очнулся отъ операции, мнѣ страшно хотѣлось пить. Я попросилъ и услышалъ въ отвѣтъ странно далеке голоса (я еще не зналъ, что оглохъ): «Какъ ваше имя?» — «Дайте пить», повторилъ я. И опять тотъ же голосъ: «Скажите имя, тогда дамъ». — «Кто вы?» спросилъ я. — «Сестра». — «Боже мой, сестра! Какъ стыдно! Лучше бы поѣхала на войну, чѣмъ допрашивать...» Мнѣ дали пить. Послышался новый голосъ (на головѣ у меня была повязка: «Я — судебный слѣдователь. Вы обвиняетесь во томъ, что убили министра Плеве при исполненіи служебныхъ обязанностей. Скажите, какъ ваше имя и каковы ваши мотивы». Не зная, останусь ли живъ, я счелъ своимъ долгомъ дать поскорѣ объясненія. Я отказался назвать себя и только сказалъ, что я членъ боевой организаціи партіи социалъ-революціонеровъ. Этимъ бы и слѣдовало удовлетвориться, но я совершенно безсознательно пустился тогда также и въ объясненія мотивовъ.

Допрощъ длился довольно долго, совершенно обезсилъ, измучивъ меня. Въ теченіе его, нѣсколько разъ почти теряя сознание, я подкрѣплялся питьемъ и просилъ прекратить пытку. На утро, 16-го іюля, меня перевели въ больницу «Крестовъ». Мнѣ говорили, что я ужасно кричалъ, когда меня по лѣстницѣ поднимали въ камеру, а я этого совершенно не помню. Я потерялъ въ то время сознание и не знаю, надолго ли. Когда пришелъ въ себя, я ничего не видѣлъ изъ-за повязки, лежавшей на глазахъ. Кто-то склонился надо мной и ласковымъ интеллигентнымъ голосомъ разспрашивалъ, какъ я себя чувствую. «Я докторъ», назвалъ онъ: «мы ждемъ вашего пробужденія и теперь можно сказать вамъ: вы бредили, называли (такія-го) имена. Я понимаю васъ, я самъ когда-то увлекался и пострадалъ за убѣжденія. Только простите, я долженъ замѣтить, понизился современный

революціонеръ. Ну зачѣмъ вы прибѣгли къ такому ужасному средству? Развѣ нельзя было взять пулей? Ни за что не повѣрю этому! Нѣтъ, понизился революціонеръ; это уже не герой-наполевецъ. Вотъ и вышли ужасные результаты: отъ вашей бомбы много убитыхъ и раненыхъ. Особенно ужасно то, что убита пятилѣтняя дѣвочка». Я вскрикнулъ, схватился за руку доктора... «Ну, что еще вы? Развѣ вамъ не безразлично? есть еще болѣе тяжелыя вѣсти для васъ. Кромѣ васъ, захваченъ еще одинъ еврей (такой-то наружности, въ такомъ-то костюмѣ) и притомъ взятъ при ужасной обстановкѣ. Онъ ѣхалъ на извозчикѣ, и когда подѣхалъ къ Невѣ, хотѣлъ выскочить изъ пролетки, желая, должно быть, бросить бомбу въ рѣку, а бомба въ то время взорвалась и убила извозчика, такъ что отъ него и слѣдовъ не осталось. Убито и тяжело ранено 11 рабочихъ грузчиковъ, выгрузившихъ неподалеку дрова, тѣхъ самыхъ рабочихъ, во имя которыхъ вы учинили это дѣло! Меня потрясла нервная дрожь, у меня почти не хватало силъ сдержатъ крикъ ужаса. Пытка прогрессивно усиливалась. «Задержанный еврей тоже раненъ, хотя и не серьезно, онъ болѣе потрясенъ событіемъ. Онъ теперь здѣсь у насъ въ больницѣ и тоже бредитъ; онъ сказалъ то-то и то-то.»

Пытка была выше моихъ силъ. Не то стонъ, не то рыданіе потрясло меня, и началась истерика. Я гналъ «доктора», просилъ не дѣлать изъ меня предателя и опять впалъ въ забытье. «Докторъ» успѣлъ предупредить меня. «Вы такъ взволнованы теперь, что я ужо; когда понадобится, скажите, что желаете видѣть доктора Михаила Александровича, и я приду къ вамъ». Придя въ себя, я сталъ разспрашивать служителей и фельдшеровъ, которые ухаживали за мной, про доктора Михаила Александровича. Всѣ говорили, что такого не знаютъ. Скоро, однако, явился самъ докторъ, опять такой же милый, ласковый. — Я не далъ ему говорить. «Уйди!», уберите! А не то я буду кричать — вы не докторъ, — вы судебный слѣдователь или агентъ охраннаго отдѣленія». «Ну, чего же кричать-то!», отвѣтилъ докторъ, ушелъ и никогда больше не появлялся. Его мѣсто занялъ, дѣйствительно, медикъ — тюремный фельдшеръ Николай Васильевичъ Жуковский и фельдшеръ изъ заразнаго барака Петровъ. Особенно пострадалъ Жуковский. Ему было поручено все время находиться при мнѣ для услугъ. Онъ былъ чрезвычайно ласковъ, внимателенъ, и дѣйствительно успѣлъ облегчить мои физическія страданія. Онъ началъ очень осторожно. Увѣрялъ, что кромѣ насъ, никого нѣтъ

въ камерѣ, передавалъ «по секрету» то, что происходило на волѣ, сообщалъ тѣ данныя, которыя имѣются въ рукахъ полиціи. Разъ онъ сказалъ мнѣ, что имя еврея — Сикорскій, что онъ изъ Бѣлостока, что уже признано, будто въ Бѣлостокѣ вмѣстѣ съ Сикорскимъ жилъ русскій — предполагая, что это былъ я. Затѣмъ онъ подтвердилъ сообщенія доктора о моемъ бредѣ, о бредѣ Сикорскаго и объ ужасныхъ результатахъ взрыва нашихъ бомбъ, увѣряя, что я ошибся и напрасно обидѣлъ «доктора», этого милѣйшаго человѣка. Я находился въ ужасномъ положеніи невѣдѣнія, безпомощности, въ темнотѣ. Физическая боль отъ ранъ была сухимъ пустякомъ сравнительно съ тѣмъ моральнымъ адомъ, въ который я попалъ. Меня угнетала мысль, что я — предатель и еще могу въ бреду наговорить Богъ знаетъ чего; я звалъ смерть, завидовалъ счастью, которое было возможно, близко и такъ жестоко обмануло меня, завидовалъ счастью — умереть на дѣлѣ. Я съ ужасомъ думалъ, что будетъ теперь съ дѣломъ, съ товарищами! Мнѣ было невыносимо жаль дѣла, такъ славно начавшагося, блестяще удавшагося и безславно мною погубленнаго. Лучше бы мнѣ вовсе не родиться, чѣмъ умереть предателемъ, погубить, опозорить дѣло, измѣнить товарищамъ, обмануть ихъ вѣру въ меня...

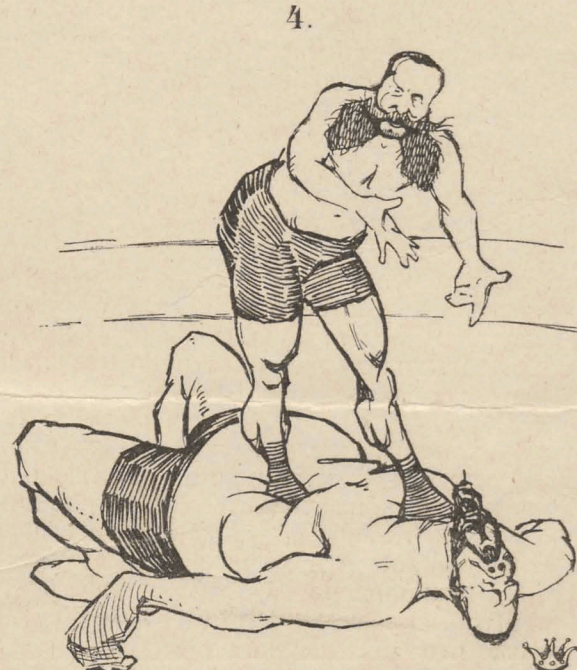
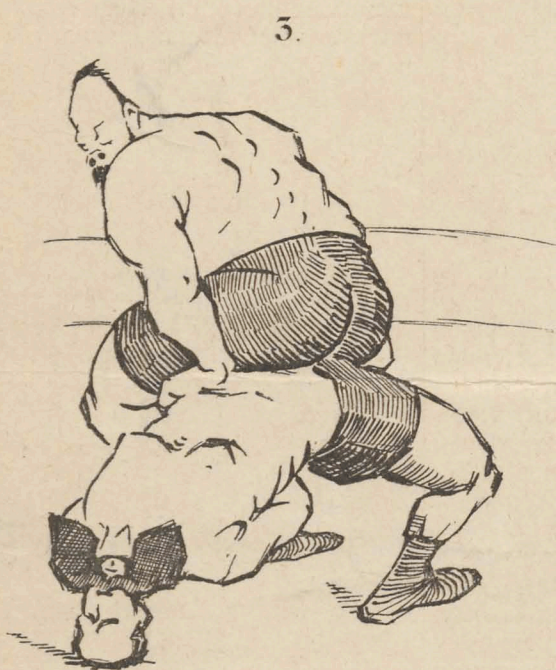
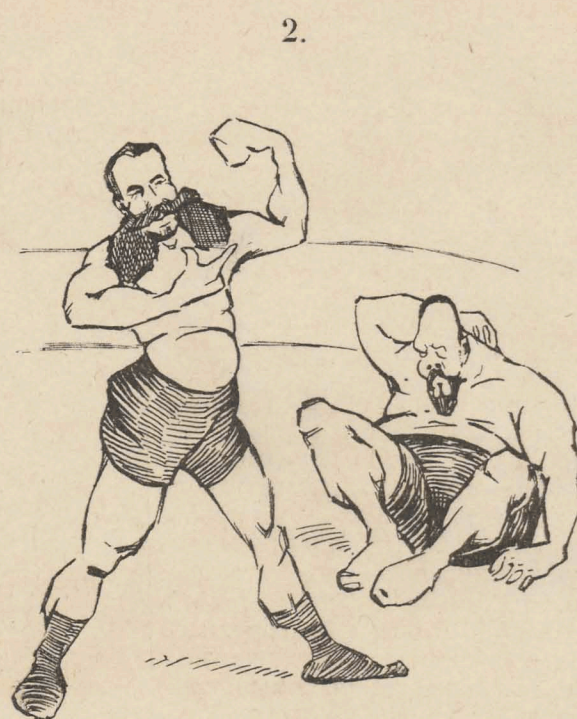
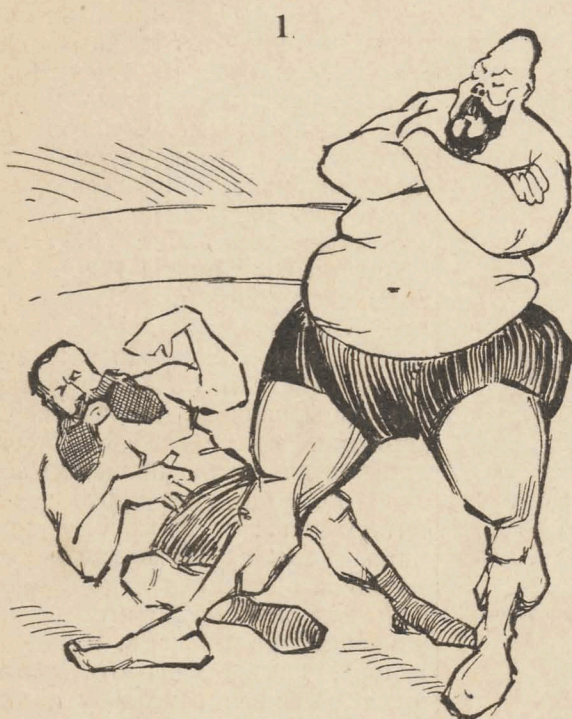
Такъ думалось тогда мнѣ, я былъ убѣжденъ, что меня обманываютъ, что кругомъ меня шпіоны, лгуны; мнѣ страшно хотѣлось выбраться изъ того моря лжи, въ которое я попалъ, вывести ихъ на чистую воду, узнать, наконецъ, что было правдой и что ложью въ шпіонскихъ поклепахъ на меня и Сикорскаго. Особенно старались фельдшера узнать мою фамилію. Недѣли двѣ я молчалъ, но въ ихъ рукахъ были данныя, основанныя на моемъ бредѣ, о томъ, что я убѣжалъ изъ Сибири, былъ за-границей, и еще что-то о мѣстахъ, близкихъ къ родинѣ. Они нащупали почву и приближались уже къ цѣли. Наконецъ, мнѣ стала невыносима неуверенность относительно фельдшера Жукова. Съ одной стороны, я убѣжденъ былъ, что онъ старается ради «доктора», съ другой, вся его манера держаться со мной по-человѣчески была такъ подкупающа, что не хотѣлось вѣрить въ его предательство. Онъ плелъ какую-то ерунду, объясняя свое желаніе узнать мою фамилію, — очевидную ложь. Я рѣшилъ однимъ ударомъ прекратить пытку. Чтобы испытать искренность фельдшера, я рѣшилъ назваться и сказалъ ему: «вы ходите за мной, какъ отецъ родной, и я вѣрю вамъ, какъ отцу; въ доказательство этого скажу вамъ, что моя

Матчъ на званіе чѣмпіона Россіи.

Г. Витте (Портсмутъ).— Г. Горемыкинъ (Петербургъ.)

Послѣ 4-хъ ожесточенныхъ схватокъ званіе присуждено г. Горемыкину (Петербургъ.).

фамилія начинается на букву С...“ Черезъ день или два мнѣ объявили, что я опознанъ. Для довершенія комедіи привезли начальника Уфимской полиціи, который будто бы и уличилъ меня. Послѣ того, какъ выяснился вопросъ о шпіонахъ, мнѣ сразу стало легче—уже не я, а они были у меня въ рукахъ. Кромѣ того я узналъ, что многое изъ шпіонскихъ разсказовъ о нашихъ съ Сикорскимъ „предательствахъ“ оказалось чепухой, и появилась надежда, что и остальное окажется тѣмъ же. Легче теперь дышать, но все-таки душу еще терзали ужасныя, нечеловѣческія мученія отъ сомнѣнія въ чистотѣ нашего дѣла. Эти мученія продолжались до окончанія слѣдствія, когда выяснилось, что имѣется въ рукахъ правительства. Мы оба съ Сикорскимъ могли вздохнуть свободнѣе и съ тихимъ спокойствіемъ, съ сладкимъ сознаніемъ чистоты нашей революціонной чести ожидать окончательной развязки нашего дѣла. Какъ будто того и ждали, чтобы только узнать мою фамилію. Въ этотъ же день или черезъ день доктора нашли, что мои пораненія на лицѣ достаточно зажили и сняли повязку съ глазъ. Боже, что я увидѣлъ!—При моей постели неотступно дежурили жандармы и надзиратель... Наглицы! Они еще старались меня увѣрить, что стража поставлена ко мнѣ съ момента снятія повязки. (На судѣ одинъ изъ жандармовъ принужденъ былъ сознаться, что сторожа при мнѣ стояли съ перваго дня). Еще и теперь пробѣгаетъ дрожь омерзѣнія, когда вспоминаешь, въ какое болото мерзости и запустѣнія пришлось окунуться! Слишкомъ сладко и велико было упоеніе побѣды, если нашлось силы не задохнуться въ немъ, не сойти съ ума, не умереть съ горя...

Въ довершеніе своего разсказа я добавлю кое-что о взрывѣ и его послѣдствіяхъ для меня. По показанію свидѣтелей, бомба была брошена на разстояніи шаговъ 8-ми отъ кареты и попала почти въ стекло, немного ближе къ кучеру. Всю карету разнесло, несмотря на то, что карета была блиндирована (извѣстна даже мастерская, изъ которой вышла карета). Я былъ сбитъ съ ногъ взрывомъ и на мгновеніе потерялъ сознаніе. Мои пораненія: рваныя раны на двухъ пальцахъ ноги, рана осколкомъ бомбы въ правую сторону живота (мнѣ говорили, если бы еще поглубже на толщину спички, была бы поранена брюшина), масса мелкихъ ранокъ на лицѣ и по всей лѣвой ногѣ, прорывъ барабанныхъ перепонокъ въ обоихъ ушахъ,—это все, что можно было учесть и записать въ протоколъ подъ видомъ сухой и короткой фразы: „получилъ незначительныя поврежденія“. Я не добивался ис-

тины, для меня было безразлично, какими они считаютъ мои пораненія, опасными или не опасными. Вамъ, товарищи, я долженъ сказать, что было на самомъ дѣлѣ. Я былъ весь разбитъ или избитъ—трудно судить, вѣроятно, и то, и другое. Лицо вспухло такъ, что, по словамъ видѣвшихъ меня въ то время, страшно было смотрѣть, щеки отвисли мѣшкомъ, глаза вышли изъ орбитъ, изъ подбородка образовался какой-то зобъ. Руками я почти не владѣлъ—онѣ были опалены. Все тѣло съ ногъ до головы было въ бинтахъ и повязкахъ. Подъ хлороформомъ извлекли изъ меня остатки бомбы и отрѣзали два пальца на ногѣ. Съ ранами потомъ вышло осложненіе: въ ранѣ на животѣ образовалось злокачественное нагноеніе, вся ступня лѣвой ноги была разбита не то взрывомъ, не то пинками и вскорѣ началось воспаленіе сухожильныхъ влагалищъ. Все это требовало мучительныхъ перевязокъ, безконечныхъ разрѣзовъ. Поговаривали, что я могу не выжить, что, пожалуй, придется отрѣзать всю лѣвую ступню. Нѣсколько разъ пріѣзжалъ на консультацию лейбъ-хирургъ профессоръ Павловъ. Какъ результатъ тяжелого паденія на мостовую или опять-таки отъ шпіонскихъ пинковъ въ спину—травматическій плевритъ, и въ довершеніе всего, сильныя головныя боли, адскій шумъ въ ушахъ... Но, повторяю, все это пустяки сравнительно съ тѣмъ, что пришлось пережить морально. Мнѣ бы даже не хотѣлось напоминать эту старую исторію моихъ болѣзней, о которыхъ я давно позабылъ, но разъ вы требуете разсказать подробности о „дѣлѣ“, то я хочу обрисовать самое дѣло и все, что находится въ связи съ нимъ. Первые 2½ мѣсяца я лежалъ пластомъ, недвижимый, безпомощный, какъ ребенокъ; только въ концѣ третьяго мѣсяца началъ присаживаться, а на четвертый взялся уже за костыли.

На судѣ вышелъ еще совсѣмъ слабый, съ тяжелой головой, не владѣя мыслями. Это сказало на процессѣ... Мнѣ было не до суда. Писать ли вамъ, товарищи, о самомъ судѣ? Думаю, не къ чему, потому что объ этомъ то вы уже должны знать. Мнѣ почти не дали говорить о самомъ дѣлѣ, не дали высказать свои мысли и задачи партіи. Мнѣ вообще трудно было связать свои мысли, а тутъ еще постоянно обрывали. Измучили. Въ концѣ концовъ, самому было противно, что принималъ участіе въ комедіи. Ждалъ я, конечно, смерти, и былъ увѣренъ въ ней, несмотря на увѣренія стражи въ томъ, что этого не будетъ, потому что „время перемирилось“. О началѣ измѣненія курса я могъ догадаться по тому, что насъ не

предали военному суду. Если бы вы знали, товарищи, какимъ счастьемъ вѣяло на меня отъ глухихъ слуховъ о происходящихъ на волѣ переменѣхъ! Это—величайшее для чловека счастье еще живо убѣдиться, что вѣра въ дѣло не обманула, что „царство небесное“ не мечта, оно грядетъ, близится! Я знаю: только пробужденію общества и народа я обязанъ жизнью...—Еще разъ народъ получилъ право не нее.

Вотъ все, товарищи, о днѣ „15 го іюля“ и обо мнѣ. Я надѣялся, что вы и весь народъ давно знали все это.

Объ арестѣ Сикорскаго вы знаете изъ обвинительнаго акта. Но еще никому неизвѣстно, что пришлось пережить ему за время слѣдствія. Трусевичъ и еще какой-то агентъ крутились возлѣ него въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, пробуя всѣ способы развращенія, съ которыми эта полиція обыкновенно подходитъ къ рабочему, томя его чуть не ежедневно по 5—7 часовъ на допросахъ. Они передали ему мой бредъ и старались увѣрить его, что я выдаю, смѣюсь надъ нимъ, ругая его „жидомъ“, дуракомъ, издѣваясь надъ нимъ, называя его „слѣпымъ орудіемъ“, игрушкой, фонографомъ въ рукахъ хитрыхъ интеллигентовъ, прятавшихся за его спиной. Они обѣщали ему деньги, прощеніе и спасеніе за границу за одно раскаяніе. И, въ концѣ концовъ, злы они на него были больше, чѣмъ на меня...

Прибавлю еще кое-что о бомбѣ. Экспертизу надъ осколками моей бомбы производилъ артиллерійскій профессоръ генералъ Забудскій, тотъ же самый, кому былъ порученъ одинъ изъ снарядовъ, оставшихся послѣ взрыва въ Сѣверной гостинницѣ. На основаніи однихъ осколковъ, генералъ не могъ придти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Только въ августѣ, послѣ того, какъ рыбаки случайно выловили бомбу Сикорскаго и въ полной чѣлости доставили эксперту, онъ разрѣшилъ задачу изслѣдованія. По его словамъ, бомба была начинена магнетальнымъ динамитомъ, гѣмъ же самымъ веществомъ, которое было употреблено въ бомбѣ въ Сѣверной гостинницѣ.

Я очень сожалѣлъ, что я—не Кибальчичъ и не имѣлъ возможности уличить г. профессора въ невѣжествѣ. Экспертъ отзывался очень одобрительно объ устройствѣ бомбы, констатируя въ бомбахъ 15 іюля большой прогрессъ въ тонкости работы и безопасности взрыва, сравнительно со снарядомъ въ Сѣверной гостинницѣ. Привѣтъ товарищамъ!

„Современникъ“.

Слѣдующій номеръ „Благого Мата“ выйдетъ въ пятницу 5-го Мая.